

ТАМ, ГДЕ ТЫ...

БОЛКОНСКАЯ

Болконская
Там, где ты

«Автор»

2026

Болконская

Там, где ты / Болконская — «Автор», 2026

Я всегда знала: мне не нужны люди. Тишина, чай с бергамотом, огонь в камине – этого достаточно. А потом появился он. И всё стало иначе. Дом, тепло, дочь. Жизнь, которой у меня никогда не было. Но рай оказался хрупким. Я теряю дни. Людей. Себя. И чтобы спастись, мне придётся вспомнить то, что я так старательно забывала. Это моя история. Я расскажу её до конца.

© Болконская, 2026

© Автор, 2026

Болконская Там, где ты

Глава 1

Я возвращалась домой поздно вечером. Думала только об одном: упасть на свою огромную кровать и забыться сном. Подгоняемая этими мыслями, завела мотор, прогрела машину и медленно выехала с парковки. Быстрее бы в свой уютный дом. В тепло. Посидеть с чашкой любимого чая с бергамотом у открытого камина и наконец забыть суету последних часов...

Глава 1

Не могу сказать, что не люблю людей, но находиться несколько часов подряд в обществе очень болтливых заказчиков достаточно сложно. Кожей ощущаю, как они обволакивают меня голосами, историями, проблемами. И как из меня невидимой струйкой вытекает энергия: сначала тяжелеет голова, потом притупляется внимание, а в груди разрастается глухая, звенящая пустота. Наступает эмоциональное истощение. И когда всё вокруг начинает раздражать – слишком громкая кассирша в магазине, чужой смех в очереди, даже собственное дыхание кажется лишним, – мне нужна тишина. Полное одиночество. Комната, где не надо улыбаться, где можно просто сидеть, не думая о том, как выглядишь со стороны.

Именно поэтому я выбрала профессию, где контакт с людьми сведён к минимуму. Да – я интроверт. Да – многие меня совершенно не понимают. И да – мне абсолютно всё равно, что они думают. Пусть думают. Ведь мне с ними не по пути. А вот со всеми остальными рада познакомиться: Анна Викторовна, независимый оценщик, к вашим услугам.

Сегодняшний заказ не должен был отличаться от остальных. Но оказался тем редким случаем, когда обе стороны спора явились на встречу: супруги делили "Тойоту". Он утверждал, что у машины "убитый" двигатель, она – что состояние идеальное. Я сделала замеры компрессии, сфотографировала сколы на бампере, мысленно прикинув, сколько времени займёт оформление отчёта. Уж очень хотелось домой. В любой момент готова была быстренько свернуться и уехать. Однако этой парочке нужна была не правда, им нужен был арбитр. Бывшие супруги ругались, ковыряли старые раны и долго поливали друг друга грязью, выдавая всё больше интересных фактов о совместной жизни. Стараясь не вникать в конфликт, изучала заметки в планшете. Только остаться в стороне всё равно не получилось.

– Представляете, Анна Викторовна, он постоянно мне изменял! – женщина ткнула в бывшего супруга пальцем. Кончик её носа покраснел от холода, а в глазах блестели не столько слёзы, сколько злость, многолетняя, настоявшаяся, с которой она не знала, что делать. – И теперь не хочет отдавать машину. Жлоб!

– Дура ты, Машка. Жил-то я с тобой и уходить от тебя не собирался. И чего тебе не хватало? Возил в отпуск, техникой вся квартира уставлена, любые побрякушки покупал...

– Да закройся уже, – Маша опустила на скамейку около подъезда, медленно и тяжело, будто груз, который она несла все эти годы, наконец-то придавил её к земле. – Ты хоть раз спросил, чего Я хочу? Интересовался, чем я живу или что меня беспокоит?

– Что тебя могло беспокоить? Ты же ни в чём не нуждалась! – он даже растерялся, услышав её вопрос, искренне, по-мужски не понимая, что можно ещё хотеть.

– О том и говорю, – она покачала головой. Было заметно, как дрожит её подбородок, как она сдерживается, стиснув зубы, не плачет, чтобы не показать ему этой последней слабости. – Обслуживала, молчала, и слушала твоё враньё изо дня в день. А когда я в тебе нуждалась, ты просто уходил в закат.

– Маша... – снова начал мужчина.

– Я сказала – закройся! Знаешь, Жора, хорошо, что за пять лет мы с тобой детей не родили, – она вздохнула и поднялась, поправила воротник пальто, и я увидела, насколько она устала. Не просто от этого разговора – от всей жизни с ним. – Подавись ты этой машиной! Я просто хотела тебя позлить.

– Значит, я могу быть свободна? – мой голос прозвучал резче, чем планировала: в горле пересохло от холода, а силы держать профессиональное спокойствие заканчивались – второй час на морозе давал о себе знать. Пальцы ног давно онемели, тёплые перчатки совершенно не справлялись со своей задачей, а всё тело сотрясала мелкая дрожь, которую скрыть уже не получалось.

– Я оплачу вызов, – произнёс Георгий, не отрывая взгляда от бывшей супруги. В его голосе тоже была усталость. Было очевидно, что они оба несчастны, только по-разному. – Простите, что потревожили.

Не медля ни секунды, юркнула в свою машину. Пока заводила мотор, руки тряслись не столько от холода, сколько от ощущения чужой боли, которая липла ко мне, как снег, тающий на коже. Включила печку на полную мощность, прикрыла глаза и позволила себе просто выдохнуть. Салон постепенно прогревался, но дрожь не проходила – и я ненавидела такие моменты. Не за усталость, не за мороз, а за то, как чужая жизнь проходила сквозь меня, оставляя глухую тянущую пустоту.

Чёрт бы побрал эти пробки. Выехать из города в час-пик – тот ещё квест. А выехать из города накануне длинных выходных, значит добровольно подписаться на долгое созерцание красных фонарей впереди идущего автомобиля, успеть перезнакомиться со всеми соседями по потоку и окончательно убедиться, что время – понятие относительное.

Единственным плюсом в данной ситуации был город, празднично украшенный ещё с начала декабря. Он светился, переливался, брызгал яркими красками в глаза, сглаживая ожидание на каждом светофоре. До Нового года осталось каких-то десять дней...

Согревшись, включила музыку. Тихо, едва слышно, чтобы фоном заглушать гул машин, но не мешать собственным мыслям. Снежинки падали на лобовое стекло, таяли, превращаясь в мелкие капли. Но я не обращала на них внимания, лишь рассеянно скользила взглядом по фарам встречных машин.

Выехав из мегаполиса, поняла, что городская пробка была только началом трудного пути. За городом началась совсем другая зима – без фонарей, тёмная и глухая. В отличие от столичных дорог, трассу дорожники посыпать ещё не успели. Под колёсами была не просто грязь со снегом – ледяная корка, гладкая и скользкая. Машина вздрагивала всякий раз, стоило чуть сильнее нажать на педаль. Было ощущение, будто еду по замёрзшей реке. Вокруг белое безмолвие, только свет фар вырывает из темноты редкие стволы деревьев. И давно ни одного встречного автомобиля.

Дальше стало хуже: метель усиливалась, с каждой минутой всё больше усложняя передвижение. Снег стал крупнее и валил сплошной стеной. Видимость ухудшалась, а с ней и моё настроение. Тревога, тонкая, как лезвие, скребла где-то под рёбрами, отчего я сжала руль крепче, впиваясь пальцами в холодную кожу.

Я буквально прокрадывалась сквозь снежный тоннель, внимательно приглядываясь, чтобы не пропустить свой поворот. Тридцать километров, на которые обычно уходило двадцать пять минут, растянулись на целую вечность. Вглядывалась в белую мглу, пока наконец не увидела очертания знака деревеньки. Чуть не заплакала. Почти дома... Теперь оставалось аккуратно свернуть на этот самый поворот.

Я уже отметила в темноте знакомый силуэт старой остановки, обгоревшей, чёрной, стоящей словно часовой на въезде, как вдруг моя машина подскочила от резкого удара. Сначала ничего не поняла, только звук – глухой и тяжёлый, как удар кувалды по металлу. Меня тряхнуло так сильно, что, несмотря на ремень безопасности, ударила лбом о руль. Некстати сработала профессиональная привычка: мысленно зафиксировала точку входа – капот, левая сторона. В следующее мгновение машина крутанулась на месте, и я с ужасом увидела, как свет фар выхватил из темноты стремительно приближающийся ко мне ствол дерева и замершие, словно в стоп-кадре, снежинки. А после автомобиль перевернуло несколько раз. Мир разлетелся на миллиарды осколков. Вспышки, тени, звон битого стекла, хруст металла, сминающегося как бумага. А потом всё это исчезло – остался только страх. Чистый, животный. Он парализовал тело, заставив забыть о дыхании.

В лицо остервенело ударила подушка безопасности. Резкий запах пороха, хлопок, и мгновенная, ослепляющая боль, прошившая челюсть, шею и грудь. Я оказалась зажата между креслом и рулём. Попыталась сдвинуться, но каждая клетка тела взбунтовалась – огненная волна прокатилась от затылка до поясницы, и я замерла, боясь даже дышать.

Чувствовала, как по ногам поползло что-то горячее. Кровь! Тёплая, липкая, она растекалась по ткани джинсов, и это осознание ударило в голову с новой силой. Я теряю кровь. Это серьёзно. Это совсем не как в кино.

Хотелось закричать. Позвать на помощь. Но был ли в этом смысл? Снаружи выла метель. Ветер врывается в разбитое окно, задувая снег, который ложился на приборную панель белым саваном. Машина превращалась в ледяной склеп. Рассмотреть что-либо возможности не было... Здесь меня не найдут. Я умру? Конечно, умру. Эта мысль пришла не как страх, а как констатация – холодная и ясная, под стать этой ночи.

Попробовала пошевелить правой рукой. Она двигалась. Медленно, преодолевая боль, дотянулась до панели и взяла телефон. Корпус был холодным, и пальцы, дрожащие и скользкие от крови, не слушались. Я ткнула в экран – он не отозвался. Ещё раз. Ничего. Кровь на стекле смазывала изображение, и я не могла попасть по нужной иконке. С третьей попытки экран вспыхнул. Я прижала телефон к уху.

– Скорая помощь. Что у вас случилось? – голос в трубке звучал отстранённо, словно из другого мира, но я впилась в него, как в единственный якорь.

– Я попала в аварию, – прошептала я. – Не могу двигаться. Сильно болит голова. И грудь. Когда пытаюсь вдохнуть, внутри что-то острое, как нож.

– Где вы находитесь? – в тоне диспетчера теперь появилась настойчивость, деловая, профессиональная.

– Я... я на трассе... метрах в двухстах от обгоревшей остановки. Я её проехала... сразу за поворотом в деревню, – мой голос срывался. Холод уже пробрался под куртку, губы не слушались, язык казался ватным.

– Вы сильно ранены?

– Не знаю... Да... Видимо, да... Я обездвижена. Ничего не чувствую ниже поясницы, – это осознание оказалось хуже самой боли. Я вообще не чувствовала ног, будто они исчезли, растворились в темноте. – А ещё очень сильно болит голова... Мне хочется спать...

– Не отключайтесь! Помощь в пути, – голос девушки-диспетчера был уверенным, почти спокойным, и я держалась за эту уверенность. – Как вас зовут?

– Анна.

– Анна, я с вами. Говорите со мной.

– Я вижу свет.

– Наверное, кто-то заметил вашу машину. К вам идут? Кого-нибудь видите?

– Не знаю... Вижу тусклое пятно. Нет... Это луч. Он словно дымится, – я щурилась от света, но не могла понять, что это такое. Сознание путалось. Хотелось закрыть глаза. Тьма всё больше притягивала, сулила покой, обещала убрать разрывающую боль.

– Анна, вы здесь? – тревожные, но требовательные нотки снова зазвенели у самого уха.

– Здесь. Я... Простите, – луч ослеплял. Я зажмурилась.

Телефон выскользнул из руки. Почему-то захотелось сказать этому лучу, что я готова. Я не против... Правда, не против... И мне не страшно. Наоборот, я чувствовала облегчение. Перестать бороться, перестать держаться, отпустить. Но ничего сказать так и не успела. Глаза закрывались. Очень хотелось спать.

– Жива! Сюда! – крикнул голос, мужской, хриплый, прорвавшийся сквозь шум ветра, и свет дёрнулся, как фонарик в чужой руке. Заметался, приближаясь, выхватывая из мглы осколки стекла и моё бледное лицо в зеркале заднего вида.